

אֶשְׁכּוֹלוֹת
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке
אָבִי אַבִּי
אָבִי אַבִּי
אָבִי אַבִּי
אָבִי אַבִּי

ВЕЧНЫЙ ШАХ

ИГРЫ В ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Материалы к лекции
Семена Парижского и Валерия Дымшица

Москва
март 2017 г.
проект «Эшколот»
www.eshkolot.ru

Материалы к лекции Семена Парижского

Авраам ибн Эзра (1089-1167). Игра в шахматы

- קדומה מן ימי קדם נסוכה
קבעוה עלי טורים שמנה.
עלי לוח שמנה מחלקות,
ושם המחנות עומדים צפופים.
להלחם ורוח בין שניהם.
והמה נוסעים תמיד וחונים,
ומלחמתם – מלאכת מחשבות,
בפגריהם רשומות וחרוזות.
ידמה כי אדומים הם וכושים.
אדומים יצאו אל אחריהם,
למלחמה לנכח המסלה.
ואת אויבו יהי נוטה ללכדו,
ולא ישים פעמיו לאחוריו,
לכל עבר שלשה במסלה.
ועד טור השמיני יעלה לו –
ומלחמתו כמלחמתו תחשב.
ומסעיו לארבעת רבעיו.
והוא נצב עלי הצד כאורב,
לזה יתרון למה שהוא משלש.
ויתהלך עלי דרך מעקל,
בתוך בתים שלשה לו גבולות
ובשדה עלי רחבו וארכו
נתיבו מבלי נפתל ועקש.
לכל רוחות ויעזר את עבדיו,
להלחם ובמקום תחנותו,
ויגער בו – ויברח מגבולו.
ומתדר לתדר ירדפהו –
ועתים יש לסתרו לו המוניו.
וזה את זה ברב חמה מכלה,
חללים מבלי דמים שפוקים.
וינוסו אדומים מפניהם,
ומלכס בקרב הם נחלשים.
בלי חמלה וילכד ברשתם,
ואין מברח לעיר מבצר ומקלט!
ואין מציל – ולהרג יהי מט.
ואת נפשם פדות נפשו ישיתון,
בשורם שכבר נגף אדונם,
ויש עוד להרוגיהם תחיה!
- אשורר שיר במלחמה ערוכה
ערוכה מתי שכל ובינה,
ועל כל טור וטור בהם תקוקות
והטורים מרבעים רצופים
מלכים נצבו עם מחניהם
פני כלם להלחם נכונים
ואין שולפים במלחמתם חרבות,
ונכרים בסימנים ואותות
ואדם יחזה אותם רגושים
וכושים בקרב פושטים ידיהם,
והרגלים יבואו בתחלה
והרגלי יהי הולך לנגדו
ולא יטה בעת לכת אשוריו
ואם ירצה – ידלג בתחלה
ואם ירחק ויגוד מזבולו
כמו פרז לכל פנים יהי שב
והפרז יהי מטה פסעיו
והפיל בקרב הולך וקרב
כמו פרז הליכתו – אבל יש
והסוס בקרב רגלו מאד קל
עקלקלות דרכיו לא סלולות,
והרוך יהלך מישור בדרך
ודרכי עקשים הוא לא יבקש,
והמלך מהלך על צדדיו
ויזהר בעת שבתו וצאתו
ואם אויבו באיבה יעלה לו
ואם הרוך באימה יהדפהו
ויש עתים אשר יברח לפניו
ובלם הורגים אלה לאלה,
ויגבורי שנים המלכים
ועתים יגברו כושים עליהם –
ועתים כי אדום יגבר – וכושים
והמלך יהי נתפש בשחתם
ואין מנוס להנצל ומפלט
ועל יד צר יהי נשפט ונשמת,
וחילו בעדו כלם ימותון
ותפארתם כבר נסעה ואינם
יוסיפו להלחם שניה –

ИГРЫ В ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

- Бой воспою, что в древности придуман, И издавна мужам пленяет ум он.
Ведут его два мудрых полководца, И на восьми рядах сей бой ведется.
Ряды же эти - на доске разметка, В них восемь отделений - к клетке клетка,
Все выложены плиткою квадратной, И в них войска, готовы к службе ратной,
5 Два воинства, ведомые царями, И расстоянье между лагерями.
И лица всех к сражению готовы, И сделав ход, стоят на месте снова.
Они воюют без меча и лука, Ведь их сраженье - разума наука.
На их телах пометы есть и знаки, И потому они не одинаки,
И скажете, узрев их цвет и вид, вы: Се, эдомитов и кушитов битва.
10 Сперва идут в сражение кушиты, За ними же выходят эдомиты.
И пешие дают зачин сраженью, И совершают первое движенье,
Идут друг к другу, и пленить готовы, Противника, свернув с пути прямого.
А ходит пеший, лишь вперед шагая, И с поля боя вспять не убегая.
В начале на три клетки, коль захочет, Он в сторону любую перескочит.
15 А если, отдалившись от отряда, Он в странствиях достиг восьмого ряда,
Тогда в любую сторону способен Он двигаться, во всем ферзь подобен.
А ферзь - он может вкось ходить по полю, Четыре клетки ход его, не боле.
Слон бьет в бою то близко, то далёко, Как из засады, нападает сбоку.
Как ферзь он, но немного уступает. Ему, зане, на три шага ступает.
20 А конь в сраженье очень легконогий, Он скачет по извилистой дороге,
Изгибами нетоптанными мчится, И три ячейки – вот его граница.
Ладья идет дорогою прямою И вдоль, и поперек по полю боя.
Она кривой дороги не попросит, И никогда стези своей не скосит.
А царь на клетку лишь одну шагает. Вокруг себя, и слугам помогает.
25 На месте ль он, воюет ли средь стана – Остерегаться должен постоянно,
Ведь если враг, вдруг прянув из засады, Грозит царю – ему спастись надо,
И коль теснят его ладьи и кони – Бежит из клетки в клетку от погони,
То он спастись от их угрозы сможет, А то, врагов толпа его обложит.
И все разят направо и налево, Друг друга бьют, исполненные гнева,
30 Герои двух царей уже убиты, Повержены, а кровь их не пролита.
Порою Куш теснит войска Эдома, И те бегут, спасаясь от разгрома,
Порой Эдом одолевает Куша, Царя их и войска круша и руша.
И царь уловлен в ковах и в осаде, И тщетно умоляет о пощаде,
И нет ему укрытья и спасенья, За крепостной ему не скрыться сенью,
35 Напасть, беда ему от супостата, И он в тисках погибели и мата,
И умирает вся его дружина, И души отдают за господина,
Ушла их слава и почет великий, Когда в живых не стало их владыки.
И тут же, для сражения второго, Все павшие в бою восстанут снова!

Перевод Шломо Крола

Материалы к лекции Валерия Дымшица

1. Раввин Яков Шуб. Галаха об азартных играх

В двух местах Мишна говорит о том, что люди, которые играют в азартные игры, не могут свидетельствовать в еврейском суде.

Мишна (Рош а-Шана 22а) рассматривает вопрос о том, какие люди не могут свидетельствовать о появлении новой луны (данное свидетельство необходимо для освящения нового месяца). Среди прочих упоминаются две категории людей, интересующие нас. Это игроки в кости и те, кто устраивает «соревнования» голубей (чей голубь прилетит быстрее).

Мишна (Санедрин 24 б) говорит, что люди, относящиеся к этим категориям, также не могут быть свидетелями в делах, касающихся денежных вопросов, и не могут быть судьями. Далее Гемора приводит спор о том, почему они не годятся в свидетели и судьи. По мнению Рами бар Хама, причина запрета азартных игр в том, что человек изначально, делая ставку, рассчитывает выиграть, а не проиграть. Соответственно, когда выигравший забирает деньги, он делает это как бы против воли проигравшего, иными совами, обкрадывает его. Такая ситуация называется *асмахта*. Далее Гемора (27а) говорит, что человек, занимающийся воровством, не может быть свидетелем. И, несмотря на то, что участие в азартных играх не является прямым воровством, ведь, в конце концов, проигравший сам отдает деньги, любое действие, противоречащее закону, которое предпринимается для достижения финансовой выгоды, подобно воровству и лишает такого человека непригодным свидетельствовать.

По мнению рава Шешета, данная ситуация не является *асмахта*, поскольку в азартных играх человек осознает, что выигрыш зависит только от удачи, и понимает, что может проиграть. Обычная же ситуация *асмахты* подразумевает, что человек полагается на свои собственные навыки и умения и, соответственно, не собирается проигрывать. Рав Шешет дает другое объяснение запрету: такой человек не занимается общественно-полезной деятельностью. Раши объясняет: игрок не знаком с элементарными правилами ведения дел и не является богобоязненным, соответственно, на его мнение нельзя полагаться, поэтому он не может быть свидетелем.

Различие между этими двумя мнениями на практике видно в ситуации, когда азартные игры не являются единственным источником дохода человека. По мнению Рами бар Хама, и в этом случае играть в азартные игры запрещено, поскольку проблема заключается не в самой игре, а в получении выигрыша, что подобно воровству. По мнению же рава Шешета, проблема заключается в самом человеке, который зарабатывает на жизнь азартными играми. Поэтому человек, для которого азартные игры

не являются единственным источником дохода, занимается общественно-полезной деятельностью, и, соответственно, может быть свидетелем.

Рамбам (Законы о краже 6:10) говорит, что закон установлен в соответствии с мнением Рами бар Хама. Соответственно, играть в азартные игры запрещено, по мнению мудрецов, поскольку это подобно воровству (однако, в Законах о свидетельстве 10:4 Рамбам говорит, что только профессиональные игроки не могут свидетельствовать. На первый взгляд, эти два закона противоречат друг другу. См. комментарий *Кесэф Мишнэ* и другие комментарии, которые разъясняют позицию Рамбама).

Тосафот, Рош и другие комментаторы (Санедрин 24 б) считают, что закон установлен в соответствии с мнением рава Шешета, т.е. запрещено играть в азартные игры профессионально и зарабатывать игрой на жизнь.

Тосафот и Мордехай уточняют: даже в соответствии с «облегчающим» мнением играть в азартные игры непрофессионально разрешено только в том случае, когда ставки делают наличными, причём деньги кладутся на игровой стол так, что победитель получает выигрыш на месте. Ситуация, когда игроки обещают заплатить через некоторое время, рассматривается как *асмахта* и запрещена, поскольку тут уже речь идёт о подобию воровства.

Риваш (комментатор раннего периода, Респонсы 432) даёт другое объяснение. По его мнению, и Рами бар Хана, и Рав Шешет согласны, что играть в азартные игры запрещено. Различие их позиций на практике лишь в том, что Рав Шешет полагает: если человек преступил запрет и сыграл, то выигранные деньги не считаются ворованными. Однако изначально играть в азартные игры запрещено, так как это недостойное занятие, которое уводит человека с правильного пути.

Шулхан Орух (*Хошен Мишпат* 370:1–3) говорит, что закон установлен в соответствии с мнением Рамбама. Соответственно, играть в азартные игры запрещено, поскольку получение выигрыша таким способом подобно воровству. Рамо, в свою очередь, не согласен с этим. Он полагает, что закон установлен в соответствии с мнением Тосафот.

Кроме упомянутых галахических проблем, с азартными играми связано также множество морально-этических. Рассмотрим некоторые из них.

Гемора (Шаббат 105 б) говорит: человек, который в гневе рвет на себе одежду или бьет посуду, должен выглядеть в твоих глазах как идолопоклонник. Гемора поясняет: так дурное начало завладевает человеком – сегодня оно говорит тебе одно, завтра другое и, в конце концов, может привести человека к поклонению идолам. Таким образом, мы видим, что человек, который не в состоянии себя контролировать, в конечном итоге сойдет с правильного пути. Подобное явление мы наблюдаем и при азартных играх: в какой-то момент человек бывает настолько увлечен игрой, что те-

ряет контроль над собой, а это может привести к нежелательным последствиям. Рав Мойше Файнштейн (*Игрот Мойше, Йорэ Дэа* 3:35) также говорит о запрещении занятий, которые вызывают зависимость и приводят к потере контроля над собой.

Рейшит Хохма (Шаар Кдушa 12) говорит, что азартные игры запрещены, даже когда играют не на деньги, т.к. компания игроков является «собранием насмешников». ***Мишна Брура (Беур Галаха 671), рассматривая обычай устраивать праздничные трапезы в Хануку, резко высказывается против тех, кто проводит это время за игрой в карты, и говорит, что достойные люди должны остерегаться подобных занятий.***

Примечание. Асмахта является договором, в котором одна сторона под гнетом обстоятельств поддалась хищническому требованию противной стороны.

2. Ехезкел Котик. Мои воспоминания

Перевод с идиша М. Улановской под. ред. В. Дымшица

За несколько недель до Хануки начиналась игра в карты. Но играли не так, как, за грехи наши, играют – со злобой и скандалом – в наше время. У нас, бывало, приходило все семейство к деду, и каждый принимался играть за одного из детей. Каждый выбирал себе ребёнка, чтобы за него играть, и сколько выигрывал, все отдавал тому ребёнку. Может быть, кто-то и проигрывал иногда до полутора рублей, но это случилось редко. Обычно проигрыш составлял от тридцати до семидесяти пяти копеек.

Так семья проводила за картами до Хануки часа по два каждый вечер, а в Хануку играли, может, до полуночи. И так играли все вечера, до Нитл, когда сам Бог велел играть в карты, и когда по обычаю не учат Тору. Но после Нитл совершенно прекращали играть в карты.

Помню, как мне хотелось попросить кого-нибудь из членов семьи, чтобы он за меня поиграл. Но папа этого не позволял и всегда заключал со мной договор. Он спрашивал: – Сколько ты можешь выиграть, Хацкель? Ну, тридцать копеек, ну, полтинник, а иной раз – ничего. Так вот тебе полтинник, чтоб не хотелось играть.

Но никаких денег он мне не давал. Вместо этого он назавтра покупал что-нибудь, например, ножичек, кошелёчек и тому подобные вещицы, подходящие для восьмилетнего мальчика.

Девочки целый день играли друг с другом в «очко».

Папа меня постоянно удерживал от игры в карты и платил за это хорошие деньги, то есть, покупал всякие предметы. И так он меня приучил, что доныне я не знаю что такое карты и не чувствую к ним никакого влечения.

3. Шолом-Алейхем. С ярмарки

Высокий человек с вечно озабоченным лицом, с широким, белым лбом, изрезанным морщинами, с редкой смеющейся бородкой; человек почтенный и богомольный, знаток Талмуда, Библии и древнееврейского языка, приверженец тальненского чудотворца и почитателей Мапу, Слонимского и Цедербаума, арбитр и советчик, отличающийся пытливым умом, шахматист, человек, знающий толк в жемчуге и брильянтах, – вот верный портрет отца нашего героя – реб Нохума Вевикова, который считался самым крупным богачом в городе.

Раньше всех явился Шмуел-Эля, раввин и кантор. Шмуел-Эля частый гость в доме Рабиновичей. Он приходит каждый день. Не пропустит дня без партии в шахматы, как благочестивый еврей не пропустит молитвы. Играть в шахматы – для него великое удовольствие, выиграть партию у Нохума Вевикова – для него великое счастье. Странная манера у этого Шмуел-Эля: проигрывает – кричит, выигрывает – тоже кричит. Но выигрывает он редко, чаще проигрывает. Когда он в проигрыше, то кричит, что ошибся, сделал ход не той фигурой, а если бы он пошел иначе, проиграл бы, конечно, противник.

Когда дядя Нисл присутствовал при такой партии, он, не утерпев, обычно спрашивал Шмуел-Эля: «Чего вы кричите?» Но отец поступал иначе. Он спокойно выслушивал горячившегося Шмуел-Эля и, добродушно усмехаясь в бороду, продолжал игру. Мать была вне себя: в такое время, за час до отъезда, люди вдруг садятся играть в шахматы! «В последний раз, Хая-Эстер, дай вам бог здоровья! Вы вот уезжаете, расплзается народ, никого не остается – с кем же я в шахматы сыграю?» – умоляет ее кантор и, сдвинув шапку на затылок, принимается за дело – и снова все то же: кантор горячится, кричит, что пошел не так, как хотел, а Нохум, усмехаясь, разрешает ему сделать другой ход,

Точно так же, как отец никогда не мешал ее <мачехи> словоизлиянию, так и она не мешала ему в его делах – читать книги, играть в шахматы и вести беседы. А беседовал отец с людьми исключительно просвещенными, начитанными, можно сказать сливками тогдашней переяславской интеллигенции. Это была целая группа ревнителей просвещения, которые заслуживают, чтобы их перечислили поименно и изобразили каждого в отдельности с его манерами и характером.

4. Эйхенбаум. Мой современник. «Гакраб» (1929)

У нас в семье от деда осталась только поэма «Гакраб». Она много лет лежала в письменном столе у отца, потом перешла в мой письменный стол. Это было старое одесское издание – с портретом автора и предисловием переводчика. Теперь к нему присоединилось другое – новенькое, московское, без портрета, изданное по анонимной рукописи, случайно найденной в архиве поэта Слепушкина.

В предисловии к одесскому изданию 1897 г. было сказано: «Предлагаемая поэма сочинена, назад тому семь лет, Я. Эйхенбаумом¹, известным в литературном мире евреев своим прекрасным поэтическим талантом. Она в свое время наделала много шума между занимающимися еврейской литературой, потому что оригинальность идеи поэта, представляющего в виде битвы шахматную игру, со всеми ее правилами и подробностями, неожиданная развязка этой битвы и прекрасный язык, которым поэт владеет в совершенстве, – подлинно поразительна».

В предисловии к московскому изданию 1924 г. сказано: «Предлагаемая вниманию читателей древняя поэма о шахматной игре появилась приблизительно в начале минувшего столетия в виде рукописи. Когда и кем она была написана, а также издавалась ли она в России, нам установить не удалось. Помимо красоты и звучности изложения, поэма чрезвычайно богата своим внутренним содержанием, заключающимся в показательной партии, разыгранной двумя героями поэмы».

Жанр предисловия мало изменился, но язык его ухудшился. Что же касается автора самой поэмы, то он превратился в научную проблему. Не так ли возникают многие научные проблемы? Не развивается ли наука на основе забвения?

Два года назад я возвращался из Одессы в Ленинград через Житомир. Чистенький, тихий, недавно выстроенный вокзал. Я постоял на платформе, купил у бабы фруктов и поехал дальше.

О «древней поэме» и ее авторе спросить было не у кого.

---

¹ Барон Тарнеголь. Яков Моисеевич Эйхенбаум. Канва для биографии. «Рассвет. Орган русских евреев». Год первый, 1860/61, Одесса, № 51 и 52.

5. Шолом-Алейхем. От Пасхи до Кущей (в сокращении)

Удивительную историю рассказал однажды холодной зимней ночью в теплой компании «заядлый шахматист», некий Рубинштейн.

Мой дед – Рувим Рубинштейн. И потому, что он, любезные мои дамы и господа, был настоящим шахматистом, весь свет мог перевернуться, когда он играл в шахматы. Со всех концов ездили к нему сыграть партию-другую помещики, графы, вельможи. И был он всего-навсего бедный ремесленник, часовщик, но хороший мастер, в своем деле большой мастак. И так как главным в его жизни были шахматы, то имел он не заработки, а одни неприятности, едва перебивался с хлеба на квас.

И вот в один прекрасный день к хибарке моего дедушки подкатила шикарная карета, в которую была впряжена четверка горячих лошадей, а из кареты выпрыгнул помещик, этаким магнат, с двумя лакеями, грудь в орденах, одним словом, – вельможа! Вышел и с ходу, не переводя дыхания, спрашивает:

– Здесь проживает еврей Рувим Рубинштейн?

Дед мой, по совести говоря, вначале немного струсил. Но он быстро овладел собой и спокойно ответил:

– Я и есть еврей Рувим Рубинштейн. Чем могу служить?

Такой ответ, должно быть, понравился вельможе и он оказал:

– Очень приятно видеть перед собой самого Рувима Рубинштейна. Прикажи поставить самовар и подай шахматы, мы с тобой сыграем партию. Говорят, что ты сильный игрок и никто еще тебе ни разу не делал мата.

Так, значит, сказал этот магнат (он видно тоже был шахматистом) и сел сразиться с моим дедом. Играют они партию за партией, а тем временем вскипел самовар и был подан чай, понятно, на подносе, с вареньем и разными закусками. Об этом уж позаботилась моя бабушка, хоть в кармане у нее не было ни гроша.

А на улице, возле кареты, собрался весь город. Шутка ли сказать, у часовщика Рувима Рубинштейна находится такая важная персона! Разумеется, по этому поводу пошли разные толки. Одни говорят, что вельможа прибыл из губернии с ревизией, он делает обыск, ищет фальшивые деньги... Другие твердят, что тут не обошлось без доноса, наговора, что деда оклеветали и сейчас заведут целое «дело»... Зайти в дом и посмотреть, как этот чиновник сидит рядом с дедом и играет с ним шахматы, – никто не догадался. Кому, в самом деле, могла прийти в голову такая мысль?

И надо вам сказать, уважаемые дамы и господа, что хотя этот вельможа играл совсем недурно, можно даже сказать, хорошо играл, все же мой дед ставил ему мат за матом.

И чем больше гость проигрывал, тем он сильнее горячился, а чем он сильнее горячился, тем больше проигрывал. А мой дед – скажите только на милость, откуда такое берется! – и бровью не шевельнет. Как будто он играет не с вельможей, а с маленьким неприметным человечком... Ну, разумеется, что было очень досадно сему господину. О чем тут еще толковать? Никто не хочет проигрывать, а тем паче кому? – Какому-то еврею... Но выразить это вслух он не может. Да и что тут скажешь, когда дед играет все же мастерски! Как говорится, комар носу не подточит...

Все вы, вероятно, знаете, что настоящего шахматиста сама игра интересует гораздо больше, чем выигрыш или проигрыш. Для настоящего шахматиста, когда он увлечен игрой, партнера не существует. Главное – игра, а не игрок. Не знаю, поймете ли вы мою мысль...

– Плавать мы не умеем, но в плавании разбираемся, – вставил молодой человек, наш присяжный остряк и, как всегда, некстати. А Рубинштейн пронзил его насквозь своими холодными глазами и сказал:

– Да, это сразу видно, как вы разбираетесь в плавании...

Затянувшись сигарой, он продолжал:

– И так как все на свете имеет конец, пришел конец и шахматному поединку. Вельможа встал, застегнулся на все пуговицы, протянул моему деду два пальца и молвил на прощанье:

– Послушай-ка, Рувим Рубинштейн, ты, – говорит он, – победил меня. Должен признаться, – говорит он, – что ты лучший шахматист не только в моей губернии, но и во всей стране, а может статься – и во всем мире. Я счастлив, что имел честь и удовольствие играть с лучшим шахматистом мира. Знай же, что отныне твоя слава возрастет еще более. Я сообщу о тебе министрам, доложу при дворе...

Услышав такие речи («сообщу министрам»... «доложу при дворе»), дед и говорит вельможе:

– Кто же вы такой, господин помещик? Вельможа рассмеялся, выпятил грудь в орденах и отвечает:

– Я – губернатор...

Тут уж моему деду стало не по себе. Знай он раньше, кто с ним играет, он бы, вероятно, сыграл иначе... Но, пропало! Сделаного не воротишь. А губернатор дружески распрощался с дедом, уселся в свою карету и – поминай, как звали.

Только он уехал, как все набросились на деда с вопросами: «Кто это у тебя был?» А когда выяснилось, что был сам губернатор, то все удивились еще больше: «Что у тебя делал губернатор?» А когда дедушка рассказал, что губернатор приезжал только ради

шахмат, то все трижды сплюнули и, чертыхаясь, разошлись по домам. Некоторое время еще говорили об этом, а потом и позабыли. И сам дед позабыл. Его голова уже была занята другим – новой шахматной партией, а также заботами о хлебе насущном. Известное дело, ремесленник – мучается, трудится, ищет, где бы подзаработать. И вот наступил еще один прекрасный день... После того происшествия прошло уже порядочно времени, но сколько именно – затрудняюсь вам сказать. Знаю лишь, что то, о чем я расскажу, случилось ранней весной, в канун пасхи. К наступающему празднику у дедушки ничего не было готово, не было даже мацы. Детишек он имел, чтоб не сглазить, много. Одному нужна рубашка, другому сапожки, а денег нет. Худо! И сидит мой дед, скрючившись в три погибели со стекляшкой на глазу, ковыряется в часиках, которые почему-то остановились, не хотят идти, и думает: «Откуда грянет помощь?»

Внезапно открывается дверь, входят двое жандармов и направляются прямо к деду: «Ты-то нам и нужен, голубчик!». Тогда у него мелькнула мысль (дед мой был очень мыслящим) – может, это от губернатора? Всяко бывает на свете. Может, тот вздумал вознаградить меня, осчастливить? Разве не случалось, что помещик вдруг из-за какой-либо причуды, из-за сущего пустяка награждал золотом, так что хватило не только ему, но его сыновьям и внукам?.. Но тут, оказывается, ничего похожего. Моему деду вежливо предлагают совершить небольшую прогулочку и явиться... Куда бы вы думали? В самый Петербург! А зачем? Этого они не знают. Они, видите ли, только что получили бумагу из столицы, а в бумаге сказано: «Немедленно доставить еврея Рувима Рубинштейна в Санкт-Петербург». «Не-медлен-но», это значит, сразу, без всяких разговоров.

Во всем этом, несомненно, кроется что-то таинственное.

– А ну-ка, сознайся, голубчик, что ты натворил? Дедушка, понятно, клянется и божится, что он знать ничего не знает, ведасть ничего не ведает. «За всю свою жизнь, – говорит он, – я и мухи не обидел». «Весь город, – говорит он, – может это подтвердить». Но кто станет его слушать? Приказано идти, и дело с концом. Идти, имейте в виду, по этапу, ибо если в казенной бумаге говорится «доставить», то подразумевается, по этапу и в кандалах. А к тому же «немедленно». Это значит, чем раньше, тем лучше...

Не долго думая, взяли они моего деда, без особых церемоний надели кандалы на руки и на ноги и вместе со всеми ворами повели по этапу. А что означало в те годы по этапу, об этом я не стану распространяться. Кто не знает, что если простого смертного отправляли по этапу, то он почти никогда не добирался до места? Железных дорог тогда не было, шоссейных – тоже, поэтому люди гибли, как мухи. Больше половины умирало в пути, а остальные добирались вконец измученные, превращались в калек.

К счастью, мой дед был такого же сложения, как я – сухопарый, костистый, крепко сколоченный. К тому же он был человек глубоко религиозный, хоть и философ. «Двух

смертей не бывать, одной – не миновать», – сказал он себе. – А если мне еще суждено жить на этом свете, то никто у меня моей жизни не отнимет».

Почему это он вдруг стал рассуждать о жизни и смерти? Потому что почуял, что дело здесь пахнет каторгой, Сибирью, а может, еще чем-то более страшным... И он не только навеки простился с женой, с детьми, со всем городом, но хотел даже прочесть отходную. Все его утешали, весь город вышел провожать его, будто покойника. Много слез было пролито в этот день...

Если бы захотел вам рассказать обо всем, что довелось испытать моему деду во время этого путешествия, нам пришлось бы просидеть три ночи подряд. Но жалко времени, лучше играть в шахматы... Вкратце могу вам только сообщить, что это милое путешествие затянулось на все лето, от пасхи до кущей, ибо этап делится, да будет вам известно, на стоянки, или пункты, а на каждом пункте арестантов задерживают на неделю, иногда – на две недели или даже на больший срок, пока не составляется новая партия воров и бродяг. Только тогда их гонят дальше.

. И когда, наконец, после стольких трудов и мучений они прибыли в этот вожделенный Санкт-Петербург, вы думаете, и дело с концом? Очень ошибаетесь! Вот тут-то и взяли моего деда, да и швырнули в каменный мешок – крохотную, темную конуру, где не присесть, не прилечь, можно только стоять...

– Зато там, вероятно, хорошо играть в шахматы, – вставил наш доморощенный остряк.

– И глупо острить! – добавил Рубинштейн и продолжал:

– Тут, в этом каменном мешке, дед мой уже совсем было распрощался с жизнью и произнес наизусть отходную. Перед его взором витал ангел смерти, он чувствовал, что испустит дух еще до того, как его потащат в суд. И, откровенно говоря, он, желая себе смерти, торопил ее.

Но, уважаемые дамы и господа, всему на свете приходит конец. И наступил день, когда раскрылись двери каземата и два жандарма, вооруженные с ног до головы, вошли в камеру, взяли моего деда, едва живого, усадили в карету и – «пошел»!

Куда? Об этом не спрашивают. Может, в суд? Пусть будет в суд. На эшафот? Пусть будет на эшафот. Только бы все скорей кончилось. И мой дед уже представляет себе, как его доставляют в Сенат. Он стоит перед судом и говорит:

Акива Кивович Рубинштейн (1882–1961) – известный шахматист России и Польши перед Первой мировой войной. Рубинштейн обогатил и развил теорию В. Стейница, теорию эндшпиля, разные системы защит. Выиграл все матчи против Г. Сальве, Я. Мизеса, Ф. Маршалла, Р. Тейхмана, А. Флямберга, К. Шлехтера и др. Завоевал 16 первых призов. Наиболее значительные победы одержал в 1912 г.: четыре первых приза в турнирах в Сан-Себастьяне, Вильне и др. В 1909 г. в Петербургском турнире А. Рубинштейн разделил с чемпионом мира Э. Ласкером первый-второй приз, выиграв личную встречу. В 1911 г. в Сан-Себастьяне Рубинштейн нанес поражение Х. Р. Капабланке. В 1922 г. в Вене выиграл у А. Алехина. Последние 30 лет Рубинштейн провел в Брюсселе в лечебнице, в годы оккупации бельгийцы спасли его от нацистов. А. Рубинштейн написал статью в первый номер шахматного журнала на иврите.

– Чистосердечно сознаюсь в том, что я – еврей и бедный часовщик. – Живу лишь трудами рук своих. Я никогда не воровал, никого не обманывал, никого не оскорблял, бог тому свидетель. А если вы хотите пытать меня – пытайте или лучше уж казните сразу...

Так мысленно дед мой объясняется с Сенатом. А карета тем временем подъезжает к каменному зданию, деду велют сойти, и он сходит. Его вводят в одну комнату, затем в другую и велют раздеться. Раздеться почти донага, остаться в одной рубашке. Он не понимает, к чему это, но когда жандарм приказывает, спорить не приходится... Затем ему велют, простите меня за такие речи, снять и рубашку... Он снимает ее, и его ведут в баню... Это была баня, что надо! И его там моют и парят, и трут спину, затем велют одеться, и едут дальше. И так они едут и едут...

Дед думает про себя: Боже милосердный! Что-то со мной будет?.. Он пытается вспомнить читанные им некогда рассказы об инквизиции в Испании и Португалии и никак не может припомнить такого случая, чтобы прежде, чем вести преступника на эшафот, его возили бы в баню...

А пока он так размышляет, карета останавливается возле дома с высокой железной оградой. Острия ее прутьев – золоченые, а на верхушках сидят орлы. Его ведут мимо генералов с золотыми эполетами и орденами и предупреждают, что он будет представлен самому царю. Он должен смотреть ему прямо в глаза, не говорить лишнего, ни на что не жаловаться, отвечать коротко и ясно – да-да, нет-нет. И еще до того, как дед успел сообразить, что с ним происходит, он уже очутился в расписном зале с великолепными картинами в золоченых рамах, а прямо перед ним стоял высокий человек с бакенбардами... Мужчина с бакенбардами (это был Николай I) внимательно посмотрел на моего деда, и между ними произошла такая беседа:

Царь: Как тебя зовут?

Мой дедушка: Рувим Шоломов Рубинштейн.

Царь: Сколько тебе лет?

Мой дедушка: Пятьдесят семь.

Царь: Где ты научился играть в шахматы?

Мой дедушка: Это у нас наследственное...

Царь: Говорят, что ты первый шахматист в моем государстве...

На это мой дедушка хотел ответить: «Уж лучше бы я не был первым шахматистом в вашем государстве...». Тогда, вероятно, царь бы спросил: «Почему ты так говоришь?»... И уж дед бы не удержался и сказал бы, что не так надо обращаться со знаменитым шахматистам, которого царь захотел повидать... Мой дедушка нашел бы, что сказать. Но

тут царь взмахом руки дал знать, что аудиенция окончена, генералы оттеснили моего деда, жандармы вывели его на улицу, а там уж отпустили на волю. Но они приказали ему, чтобы он без промедления отправлялся домой, потому что здесь, в Петербурге, не имеет права находиться.

Как мой дед добирался до дому – об этом лучше не спрашивайте. Главное, что он вернулся живым. Было это как раз в праздник кущей. Милостивые мои дамы и господа! Я кончил...

1915 (Перевод А. Белова)

6. А. С. Пушкин. Table-talk

Один из адъютантов Потемкина, живший в Москве и считавшийся в отпуску, получает приказ явиться; родственники засуетились, не знают, чему приписать требование светлейшего. Одни боятся незапной немилости, другие видят неожиданное счастье. Молодого человека снаряжают наскоро в путь. Он отправляется из Москвы, скачет день и ночь и приезжает в лагерь светлейшего. Об нем тотчас докладывают. Потемкин приказывает ему явиться. Адъютант с трепетом входит в его палатку и находит Потемкина в постеле, со святыми в руках. Вот их разговор:

Потемкин. Ты, братец, мой адъютант такой-то? – Адъютант. Точно так, ваша светлость. – Потемкин. Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть? – Адъютант. Точно так. – Потемкин (смотря в святцы). Какого же святого празднуют 18 мая? – Адъютант. Мученика Феодота, ваша светлость. – Потемкин. Так. А 29 сентября? – Адъютант. Преподобного Кириака. – Потемкин. Точно. А 5 февраля? – Адъютант. Мученицы Агафии. – Потемкин (закрывая святцы). Ну, поезжай же себе домой.

7. Н.А. Лесков. Левша

А Платов крикнул:

– Ну, так врите же вы, подлецы, я с вами так не расстануся, а один из вас со мною в Петербург поедет, и я его там допытаюся, какие есть ваши хитрости.

И с этим протянул руку, схватил своими куцаными пальцами за шивороток босого левшу, так что у того все крючочки от казакина отлетели, и кинул его к себе в коляску в ноги.

– Сиди, – говорит, – здесь до самого Петербурга вроде пубеля, – ты мне за всех ответишь. А вы, – говорит свистовым, – теперь гайда! Не зевайте, чтобы послезавтра я в Петербурге у государя был.

Мастера ему только осмелились сказать за товарища, что как же, мол, вы его от нас так без тугамента увозите? ему нельзя будет назад следовать! А Платов им вместо ответа показал кулак – такой страшный, бугровый и весь изрубленный, кое-как сросся – и, погрозивши, говорит: «Вот вам тугамент!» А казакам говорит:

– Гайда, ребята!

Казаки, ямщики и кони – все враз заработало и умчали левшу без тугамента, а через день, как приказал Платов, так его и подкатили к государеву дворцу и даже, рассказавшись как следует, мимо колонн проехали.

Платов встал, подцепил на себя ордена и пошел к государю, а косого левшу велел свистовым казакам при подъезде караулить.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

אשכולות
копьютно-образовательный проект
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

GENESIS
Philanthropy Group